

Подруга, это ред флаг!

Классика токсичных отношений

Магистраль. Главный тренд

Александр Куприн

Подруга, это ред флаг!
Классика токсичных отношений

«ЭКСМО»

2026

Куприн А. И.

Подруга, это ред флаг! Классика токсичных отношений /
А. И. Куприн — «Эксмо», 2026 — (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-252415-8

В классической прозе уже есть всё, что мы сегодня обсуждаем в терминах токсичных отношений: тревожная привязанность, эмоциональная зависимость, неравный союз, болезненное обожание, любовь, от которой больше боли, чем опоры. Эти герои ещё не знают слов «абыюз» и «ред флаг», но уже живут внутри знакомых сценариев – оправдывают, терпят, идеализируют, теряют себя. В этом сборнике – четыре истории о чувствах, которые легко спутать с любовью, и о близости, после которой остаются не тепло, а тревога, вина и внутренний надлом.

ISBN 978-5-04-252415-8

© Куприн А. И., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Кейт Шопен	5
Кэтрин Мэнсфилд	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Подруга, это ред флаг! Классика токсичных отношений

Кейт Шопен Ребенок Дезире

Погода выдалась приятная, и мадам Вальмонде поехала в поместье Лябри¹ – навестить Дезире и ее малыша.

Подумать только – у Дезире ребенок! Мадам Вальмонде рассмеялась. Да ведь еще вчера Дезире сама была совсем дитя, совсем недавно месье Вальмонде, проезжая через главные ворота, нашел ее спящей в тени высокой каменной колонны.

Малютка проснулась у него на руках и принялась с плачем звать папу, и больше из нее ничего нельзя было вытянуть. Кто-то посчитал, что девочка сама забрела туда – на вид она как раз достигла возраста, когда умеют ходить. Большинство сошлось на мнении, что ребенка подкинули техасцы, перевозившие недавно свой крытый фургончик по переправе у плантации. Со временем мадам Вальмонде бросила теряться в догадках, остановившись на одной: похоже, само провидение по милости своей подарило ей дитя, раз уж этого не смогла сделать природа. Девочка выросла прелестной, с кротким нравом, любящим и чистым сердцем. Родители ее боготворили.

Неудивительно, что в один прекрасный день, когда она стояла у каменной колонны, в тени которой спала восемнадцать лет тому назад, проезжавший мимо Арман Обиньи тотчас в нее влюбился. Так случилось со всеми Обиньи – любовь поражала их внезапно, как пуля. Удивляло другое: как это он не влюбился в Дезире раньше? Ведь они были знакомы еще с того дня, когда отец привез восьмилетнего Армана домой из Парижа, где мальчик жил со своей матерью, пока она не умерла. Когда Арман увидел Дезире у ворот, проснувшаяся в его душе страсть накрыла его, как лавина, как пламя степного пожара, как любая необузданная сила, преодолевающая все препятствия.

Месье Вальмонде, человек практичный, хотел перво-наперво обсудить с женихом некоторые важные вопросы, а именно туманное происхождение дочери. Арман решительно посмотрел ему в глаза и ответил, что его это не волнует. Ему напомнили, что девушка, собственно, безымянна. Какое ему дело до имени, если он может дать ей свое – старейшее и почетнейшее в Луизиане? Арман заказал из Парижа *corbeille*² и ждал ее прибытия с положенным терпением, а после они с Дезире тотчас поженились.

Мадам Вальмонде не видела Дезире и ребенка уже четыре недели. Достигнув Лябри, она, как всегда, невольно вздрогнула при первом взгляде на поместье. Этого угрюмого дома много лет не касалась заботливая рука хозяйки: Обиньи-старший и женился, и похоронил жену во Франции, а супруга слишком любила родную землю и не хотела уезжать. Черная крыша просела и накрыла дом мрачным капюшоном – накрыла даже широкие галереи, окружающие оштукатуренные желтые стены. Высокие мрачные дубы, растущие вплотную, тянули к дому густые длинные ветви и окутывали его тенью, точно саваном. Кроме того, Обиньи-младший держал негров в ежовых рукавицах, и под его строгим надзором рабы позабыли веселье, которое прежний хозяин им позволял по своему добродушию и снисходительности.

¹ L'Abri (*фр.*) – приют.

² Corbeille (*фр.* «корзина») – корзина с одеждой и аксессуарами (шляпками, перчатками и т. д.), которую покупал жених как часть выкупа за невесту.

Молодая мать восстанавливалась медленно и лежала на диване, одетая в мягкий белый муслин и кружева. Ребенок уснул у нее на руке, у груди. Желтокожая нянька сидела у окна и обмахивалась веером.

Мадам Вальмонде склонила свое дородное тело над Дезире и поцеловала, на миг легонько задержав в объятиях. Затем посмотрела на дитя.

– Да это другой ребенок! – изумилась она на французском, как в ту пору было принято у Вальмонде.

– Я знала, что ты удивишься, до чего он вырос, – рассмеялась Дезире. – Маленький *cochon de lait*!³ Взгляни на его ноги, мама. А на ручки, на ногти – настоящие ногти! Зандрин их сегодня утром подстригла. Правда, Зандрин?

Нянька величаво склонила голову в тюрбане.

– *Mais si*⁴, мадам.

– А как плачет, впору оглохнуть! – продолжила Дезире. – На днях Арман его услышал аж в хижине Белянки, нашей рабыни.

Мадам Вальмонде тем временем не сводила с ребенка глаз. Потом взяла его и поднесла к окну, где было освещение получше. Она пристально разглядывала малыша, а после вопросительно посмотрела на Зандрин, но та почему-то не отрывала взора от полей.

– Да, он вырос, изменился... – медленно произнесла мадам Вальмонде и положила малыша обратно, рядом с матерью. – А что говорит Арман?

Лицо Дезире озарилось искренней радостью.

– Арман у нас самый гордый отец в округе! Полагаю, в основном потому, что родился мальчик, носитель его имени, хотя он не признается – заверяет, что любил бы девочку так же. Он, конечно, лукавит. Говорит так, чтобы сделать мне приятное. А еще, мама... – Дезире склонила голову мадам Вальмонде к себе и зашептала: – Он никого из них не наказал, ни единого, с тех пор как родился маленький. Даже когда Негрийон захотел передохнуть и притворился, будто обжег ногу, Арман только рассмеялся и сказал: Негрийон, мол, настоящий шалопай. О мама, как я счастлива, даже страшно!

Действительно, брак, а потом рождение сына заметно смягчили властный, придиричивый нрав Армана Обиньи. Потому и была так счастлива кроткая Дезире, ибо отчаянно любила мужа. Когда он хмурился, она дрожала, когда улыбался, – благодарила Господа за милость. Впрочем, хмурое выражение редко портило смуглое красивое лицо Армана с тех пор, как он полюбил Дезире.

Однажды, когда ребенку Дезире почти сравнялось три месяца, она проснулась с чувством, что над ее мирной жизнью нависла угроза. Поначалу оно было смутным, неясным: тревожный намек, зависший в воздухе; загадочное выражение на лицах темнокожих; неожиданные визиты дальних соседей, не слишком убедительно объясняющих цели своих посещений. Вдобавок в поведении мужа сквозила непостижимая, чудовищная перемена, о причинах которой она не рискнула спрашивать. Заговаривая с женой, Арман отводил глаза, и в них не светилась, как прежде, любовь. Он почти не бывал дома, а когда возвращался, отчего-то избегал и Дезире, и ребенка. А уж когда дело касалось рабов, в него будто сам дьявол вселялся. Дезире умирала от отчаяния.

Одним жарким днем она сидела в своей комнате, одетая в пеньюар, и безучастно пропускала сквозь пальцы пряди шелковистых каштановых волос, рассыпанных по плечам. Полуодетый ребенок спал на широкой кровати красного дерева, роскошной, как настоящий трон, с коротким балдахинном на атласной подкладке. Маленький квартирончик, один из сыновей Белянки, тоже полуодетый, медленно обвевал ребенка опахалом из павлиньих перьев. Дезире

³ Молочный поросенок (*фр.*).

⁴ Разумеется (*фр.*).

смотрела на дитя отсутствующим, печальным взором, не в силах прогнать нависшую над ней грозовую тучу предчувствий. Затем перевела взгляд с ребенка на квартерона. Потом обратно, еще и еще.

– Ах! – невольно сорвалось с ее губ.

Кровь в ее жилах заледенела, а на лице выступил липкий пот.

Дезире попыталась заговорить с квартероном, но не могла выдать ни слова. Когда она все-таки позвала мальчика по имени, он поднял глаза и увидел, что госпожа указывает ему на выход. Он отложил широкое, мягкое опахало и послушно ускользнул на босых ногах через полированную дверь.

Дезире не сдвинулась с места; взгляд ее был прикован к ребенку, а на лице читался неподдельный ужас.

Вскоре вошел ее супруг и, не замечая жены, принялся рыться в бумагах на письменном столе.

– Арман! – позвала Дезире. Будь у Обиньи сердце, оно бы дрогнуло, однако он и внимания не обратил. – Арман! – повторила она, встала и нетвердо зашагала к мужу. – Арман! – выдохнула она снова, вцепившись в его руку. – Взгляни на нашего сына. Что все это значит, скажи?

Он с холодной учтивостью разжал ее пальцы и отвел руку.

– Объясни, что это значит! – воскликнула Дезире в отчаянии.

– Это значит, – пренебрежительно отозвался он, – что ребенок не белый и что ты не белая.

От страха перед обвинением и его последствиями в Дезире проснулась непривычная смелость.

– Неправда, неправда, ложь! Я белая! Посмотри, ведь у меня каштановые волосы, и глаза серые – ты ведь знаешь, Арман, что серые! И кожа светлая. – Она стиснула запястье мужа. – Взгляни на мою руку, Арман, – белее, чем у тебя! – надрывно рассмеялась она.

– Да, прямо, как у Беянки, – зло бросил он и оставил Дезире одну с ребенком.

Когда дрожащая рука смогла наконец держать перо, Дезире отправила мадам Вальмонде отчаянное послание.

«Мама, мне тут говорят, что я не белая. Арман мне сказал, что я не белая. Заклинаю, объясни им, что это неправда. Ведь неправда, ты сама знаешь. Я умру. Мне остается только умереть. Невозможно жить с таким горем».

Ответ оказался коротким:

«Дезире, дитя мое, возвращайся в поместье Вальмонде к любящей матери. Возвращайся с сыном».

Получив письмо, Дезире понесла его в кабинет супруга и положила перед ним на стол. Она застыла в ожидании ответа, точно мраморная статуя – безмолвная, побелевшая от волнения.

Арман молча пробежался по строчкам холодным взглядом.

– Так мне поехать, Арман? – Голос Дезире зазвенел от мучительного ожидания.

– Да, поезжай.

– Ты хочешь, чтобы я уехала?

– Да, хочу.

Ему казалось, что всемогущий Господь наказал его жестоко и несправедливо, а потому он не без мстительного удовольствия пронзал сердце жены, как ножом. Кроме того, он больше ее не любил – ведь она невольно запятнала и его имя, и честь его дома.

Дезире отвернулась, сраженная ударом, и медленно поплелась к двери в надежде, что муж ее остановит.

– Прощай, Арман, – простонала она.

Он не ответил. То была его последняя пощечина судьбе.

Дезире пошла искать ребенка. Зандрин прогуливалась с ним по сумрачной галерее. Дезире молча, без объяснений забрала у няньки сына, сошла по ступеням и отправилась к зарослям виргинских дубов.

Стоял октябрьский вечер, солнце клонилось к закату. Негры в безветренной тишине собирали на полях хлопков.

Дезире даже не сменила тонкого белого платья и домашних туфель. Лучи заходящего солнца золотили нити ее каштановых волос. Она не стала идти широкой, наезженной дорогой к отдаленной плантации Вальмонде. Вместо этого Дезире пошла через пустынное поле, и жнивье искололо ее нежные ступни в легких туфельках, а тонкое платье разорвало в лохмотья.

Она исчезла в густых зарослях плакучей ивы и тростника, что росли на берегу неторопливой протоки, почти превратившейся уже в болото, – и больше ее не видели.

Несколько недель спустя в Лябри разыгралась прелюбопытнейшая сцена. В середине чисто выметенного двора пылал огромный костер. Арман Обињи наблюдал за спектаклем из широкого перехода с видом на улицу и выдавал полудюжине негров вещи, которые подпитывали яркое пламя.

Тонкой работы ивовую колыбель с изящными маленькими украшениями возложили на вершину этого погребального костра, пожиравшего к тому времени бесценное *layette*⁵. Горели шелковые платья, а вместе с ними бархатные и атласные; горели кружева, вышитые ткани и шляпки с перчатками, ибо *corbeille* была исключительного качества.

Последней в костер отправилась тонкая стопка писем – маленьких невинных посланий, которые Дезире отправляла Арману в дни помолвки. В ящике стола осталось еще одно, только не от Дезире: это оказался обрывок старого письма, которое мать Армана когда-то отправила его отцу. Она благодарила Бога за любовь мужа.

«А превыше всего, – продолжала она, – я благодарна Господу, что наш дорогой Арман никогда не узнает правды – ведь его горячо любящая мать принадлежит к расе, отмеченной клеймом рабства».

⁵ Приданое новорожденного (*фр.*).

Кэтрин Мэнсфилд Блаженство

Несмотря на то что Берте Янг уже исполнилось тридцать, у нее все еще случались такие моменты, когда хотелось помчаться вприпрыжку, начать пританцовывать по тротуару, катать обруч, подбрасывать что-нибудь в воздух и снова ловить или стоять и смеяться – ни над чем, совершенно ни над чем – просто так.

Что делать, если вам тридцать, но сто́ит свернуть за угол собственной улицы, как вас вдруг охватывает чувство блаженства – абсолютного блаженства! Вы словно проглотили яркий кусочек позднего полуденного солнца, и оно горит в груди, рассыпаясь искрами по каждой вашей частичке, вплоть до кончиков пальцев...

Неужели нет иного способа выразить это, кроме как будучи «пьяной и неприличной»? До чего же глупа цивилизация! Зачем же тогда тело, если его нужно держать взаперти в футляре, как ценную скрипку?

«Нет, со скрипкой я не то имела в виду, – подумала Берта, взбегая по ступенькам и пытаясь нащупать в сумке ключ (она, как обычно, забыла его) и хлопая крышкой почтового ящика. – Это не то, что я имела в виду, потому что...»

– Спасибо, Мэри. – Она вошла в переднюю. – Няня уже вернулась?

– Да, мэм.

– И фрукты доставили?

– Да, мэм. Все на месте.

– Принесите фрукты в столовую. Я разберусь с ними, прежде чем подняться к себе.

В столовой было темно и довольно прохладно. Но Берта все равно сбросила пальто: она не могла больше терпеть его тугую застежку. Холодный воздух окутал руки. Но в ее груди все еще горело то яркое пламя, из которого летели маленькие искры. Это было почти невыносимо. Она едва осмеливалась дышать, боясь раздуть его еще сильнее, но все же дышала – глубоко-глубоко. Она едва осмелилась взглянуть в холодное зеркало, но все же взглянула, и в нем отразилась женщина, сияющая, с улыбающимися дрожащими губами, с большими темными глазами, в которых читалось ожидание чего-то... чудесного, что должно произойти... что, как она знала, должно произойти... непременно.

Мэри принесла поднос с фруктами, а еще – стеклянную чашу и голубое блюдо, очень милое, с необычным блеском, словно его окунули в молоко.

– Включить свет, мэм?

– Нет, спасибо. Мне хорошо видно.

Перед ней лежали мандарины и яблоки клубнично-розового цвета, парочка желтых груш, гладких, как шелк, чуть-чуть белого винограда, покрытого серебристым налетом, и большая гроздь фиолетового, выбранного в тон новому ковру в столовой. Да, это звучало довольно надуманно и нелепо, но именно поэтому Берта его и купила. В лавке ей пришла в голову мысль: «Нужно взять фиолетового винограда, чтобы ковер перекликался со столом». И тогда это показалось вполне логичным.

Когда она разделалась с фруктами, возведя две пирамидки из ярких круглых предметов, то отошла подальше от стола, чтобы оценить эффект: он действительно оказался очень любопытным. Темный стол словно растворился в сумрачном свете, стеклянная чаша и голубое блюдо, казалось, парили в воздухе. Конечно, в ее нынешнем настроении это выглядело особенно красиво... Она залилась смехом.

– Нет, нет. Это уже похоже на истерику. – Она схватила сумку и пальто и взбежала по ступенькам в детскую комнату.

Няня за низким столиком кормила Малышку Би после ванной. На крохе было белое фланелевое платице и голубая шерстяная кофточка. Темные нежные волосы убраны в смешной пучок. Подняв голову и заведя маму, малышка принялась подпрыгивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.